

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
А47

Художественное оформление серии
Алексея Дурасова

Алексеева, Наталья Владимировна.
А47 Четыре самолета : роман / Наталья Алексеева. — Москва : Эксмо, 2019. — 192 с.

ISBN 978-5-04-100010-3

Есть такой статус отношений в Фейсбуке: все сложно. У героини Натальи Алексеевой этот статус — пожизненно. Влюбилась в друга по переписке, ради него преодолела сотни километров и, прилетев в Париж, обнаружила, что он глубоко и счастливо женат. Как жить с этим и не сойти с ума? И там ли счастье, где его сложнее всего достать?

Можно пережить страсть, но жить в ней постоянно — нельзя. Истории Натальи Алексеевой — не о романтической мечте, а о том, что счастье случается после ее краха.

УДК 821.121.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-100010-3 © Алексеева Н., 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧЕТЫРЕ САМОЛЕТА

Первый самолет

1

Ночь накануне моего отъезда в Париж была не простой. Такую ночь в романах принято описывать как ночь *особую*. Ветер с Финского залива был сильным и требовательным. Казалось, минута-другая, и он высадит оконное стекло. Бесконечная чернота поглотила дома, деревья и даже небо с низкими тучами. Еще бы: завтра должно было произойти нечто. Потому я не спала. И тряслась из-за ветра, темноты и из-за того, что мне предстояло. Это был не просто Париж, а начало совершенно другой, новой жизни, подтвержденной документально: на дне моей сумки лежали авиабилеты, паспорт и страховка.

О Давиде я знала очень мало, несмотря на то что наша переписка длилась почти полтора года. И в трехстах восьмидесяти четырех письмах при

8 желании можно было изложить полную биографию — его и всех его предков до десятого колена. Но реальной информации о нем совсем чуть-чуть. У меня было только его имя и пестрый ворох разрозненных, противоречащих друг другу фактов из его жизни. А самое главное, что было у меня, это обещание, данное им. Оно было иллюзорным, неясным, но очень важным для меня: ведь я тогда только что проиграла свою первую большую битву на личном фронте. В одном из писем Давид пообещал мне, что станет моим другом, моей землей, моей крепостью. Мне это и было нужно: чтобы меня вынесли с линии огня, увезли с передовой и спрятали в надежной крепости. Правда, все было не просто: в его крепости уже были надежно укрыты его жена Камилла и дочь Изабель. И нужно отдать ему должное, в отличие от большинства мужчин на его месте, он не утверждал, что с женой его связывали формальные отношения, переходящие в ненависть, и что живет он с ней только ради дочери. Напротив, с каждым его новым письмом я понимала, что он обычный счастливый муж и совершенно обычно любит свою жену. И в Париж, на Рождество, в долгие-долгие гости, меня пригласили в обычное счастливое семейство. Это уже потом стало ясно, что семейство не было обычным. И в первую очередь, из-за его жены Камиллы.

Так кого же пригласило это семейство к себе на Рождество? Кем была я в тот момент? Я сама не знала. Хотя если честно, когда получила приглашение прилететь в Париж, я была на седьмом небе. Как будто мне, наконец, купили большой торт.

Вы можете презрительно хмыкнуть. Мол, чего только не наобещает мужчина, желающий хоть чуть-чуть разнообразить свою семейную жизнь. Может быть, вы были бы правы. Но разве вся эта правда сделала счастливым хотя бы одного человека?

А вот эти письма сделали. По крайней мере, меня.

2

Из переписки Маши и Давида

Давид — Маше

Милая мадемуазель, ласковая, лазурная!

Откуда вы взялись здесь? Какому ветру поклониться за то, что дул в ваши паруса, и за то, что вы оказались здесь? Я читаю каждое слово в вашей статье о старинных стульях и наслаждаюсь изысканным стилем. И хоть я осознаю собственную дерзость, что обращаюсь к вам так запросто, однако ничего не могу с собой поделатъ. Вас так и зовут — Маша? Я буду звать вас Мари. Ответьте что-нибудь лично мне.

Снимаю шляпу перед вами, вашим слогом и навожу везде генеральную уборку,

Ваш Д.

10

Маша — Давиду

Добрый вечер, уважаемый Д.!

У вас удивительно короткое имя.

Хм... Лазурная — это же почти синяя. Зачем вы меня так? А впрочем, здравствуйте! Вы сегодня для меня стали забавной находкой. Ветру можете кланяться любому. Это мило и по-язычески. Мари? Зовите Мари. Вы живете в России?

И, кстати, я не мадемуазель, а мадам.

Медитирую на закат,

С уважением, Мария

Давид — Маше

Доброе утро, обожаемая Мадам!

Открою секрет: я сегодня танцевал! Да-да, танцевал под Вивальди! Потому что я, сонный и лысый, утром открыл свой почтовый ящик и вуаля: Ваше письмо! А лазурная — это действительно «почти синяя», так мне сказал сегодня словарь. Нижайше прошу прощения, я думаю, что если вы будете немного меня учить, то я быстро всему научусь. Вы спрашиваете, живу ли я в России. Знаете, там, где я родился, так вольно и так сладко поется, но... там расстреливали людей и надежды. Теперь я здесь. Здесь тоже любят вино, и тоже, если повезет, можно идти все время в гору. А Д. — это Давид. Но Вы можете придумать другое имя. А можете и не придумывать. Заметьте, я не задаю вам вопросов. Я разрешаю вам быть.

Засим откланиваюсь,

Ваш Д.

Маша — Давиду

Мир Вашему дому, уважаемый Давид!

Я долго не писала: в моей жизни скоро прогремит гроза и, возможно, сразу пойдет снег. Но надеюсь, Вас не обидело мое молчание. Вы ведь не из обидчивых? Не знаю, где Вы живете, и к тому же Вы кажетесь мне вымышленным персонажем. Так что Вас вроде бы и нет. Вы фантом.

Мария

Давид — Маше

Милая, милая Мари!

Вам холодно? Такая холодная интонация может быть только у женщины, которой очень холодно. Я мог бы вас согреть. Поймите меня правильно. Я не люблю пошлости. Я мог бы за минуту развеселить Вас одним фокусом, одним стихотворением, одним прыжком. Позвольте мне сегодня стать огнем Вашего очага! Только напишите мне!

В настойчивом ожидании ответа,

Ваш Давид

Я то и дело смотрела на часы. Я была в квартире совершенно одна. Сына я накануне отвезла к маме. И мне здесь было уже нечего делать. Прошлое уже кончилось, а будущее еще не началось. Так каков же ты — мужчина, пригласивший меня в Париж на Рождество?

В эту особую ночь жизнь, наконец, вырвалась из тесной виртуальной клетки электронных писем в реальное пространство. Она, как ей и полагается, обросла именами, датами, фактами. Каждая мелочь сама по себе была счастьем. И что бы ни случилось — пусть будет как будет. Мне годился любой сценарий развития событий.

Важно было одно: сегодня, десятого декабря, мой самолет вылетает из Пулково. Ровно в восемь утра. Поэтому уже в пять желтое такси подъехало к моему подъезду, чтобы птицей пролететь по бесснежному морозному Питеру и доставить меня к рейсу «Петербург — Париж».

Давид в это время наверняка еще спал, повинуясь желанию Парижа, погруженного в сосредоточенную ночную тишину...

Таксист припарковался у терминала, молча отсчитал сдачу, выгрузил мою сумку из багажника, пожелал мне счастливого полета и уехал. Еще час я провела в полусонном зале аэропорта и ровно в восемь утра села в самолет, чтобы впервые в жизни оторваться от земли.

Семьсот сорок седьмой оказался доверху наполненным счастьем, и все пассажиры, летевшие этим рейсом, плавали в предвкушении, как в желе.

Через три часа полета я выглянула в иллюминатор и ахнула: где-то внизу, под самолетом, стремительно увеличивала свой масштаб карта Парижа и на моих глазах превращалась в квадраты жилых кварталов. Затем карта обернулась взлетно-посадочной полосой, самолет коснулся земли, и моему взору предстал аэропорт Шарля де Голля.

Пройдя все положенные иностранным туристам формальности, я, словно во сне, поймала на багажной ленте свою сумку, и толпа вынесла меня к нему, к Давиду. Мне не пришлось ни искать его, ни узнавать. Я как будто знала его с доисторических времен, как будто знала всегда. Мы обнялись. Теплый влажный парижский ветер запутался в моих волосах, и я с головы до ног наполнилась предвкушением чего-то. В белом «Ситроене» Давида мы ехали молча. Все, что можно было сказать в письмах, мы уже сказали, а реальность только начиналась, в ней еще ничего не произошло.

Второй самолет

1

Дверь нам открыла высокая молодая полноватая темноволосая женщина в очках. Камилла. Я представляла ее себе совсем не так. В ее образе не было ничего французского, тем более парижского. По крайней мере, того, что я на тот момент считала французским или парижским. Она серьезно взглянула на нас и спросила мужа по-русски, почти без акцента:

— Давид, это и есть твоя новая русская женщина?

— Да. Это она. Мари. Не Мерлин Монро, конечно. Но тоже ничего, — неожиданно сказал Давид то ли в шутку, то ли всерьез. И моментально растворился в недрах квартиры, по всей видимости, предоставив мне возможность наводить мосты с его женой.

— Добро пожаловать, Мари! — сказала Камилла ласково, кажется, желая компенсировать бес-

тактность Давида. В ту же секунду раздался грохот: крошечная девочка опасно приближалась к нам, волоча за собой по полу огромную кастрюлю.

— Бонжур, — сказала мне девочка и сосредоточенно проследовала мимо вместе со своей кастрюлей.

— Привет! — ответила я ей вслед.

Мой русскоязычный, то есть совершенно непонятный «привет» показался маленькой Изабель подозрительным, и она, грохоча, вернулась, чтобы еще раз взглянуть на меня.

Камилла тем временем уже вовсю хлопотала на кухне, оставив меня приглядываться, принюхиваться и искать свое место в этом доме, который на несколько недель стал и моим домом.

2

Во время обеда Камила была удивительно мила, Давид непринужденно острил, но я была напряжена так, что даже обнаружила свои пальцы вцепившимися в обивку стула. Лишь время от времени меня отвлекала Изабель, которая отказывалась принимать тот факт, что я не говорю ни на одном из известных ей языков. Она попеременно пела и читала мне стихи то по-грузински, то по-французски и наблюдала за моей реакцией. Но довольно скоро ей все это наскучило, и она ушла играть в свой уголок.